

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.171.2.134-150

И. В. Галкин\*

## «Монархисты» и «республиканцы» в западноевропейской политико-правовой мысли XVII в.

**Аннотация.** Статья посвящена проблеме теоретических подходов к монархической и республиканской формам правления, нашедших отражение в работах представителей западноевропейской политической мысли XVII в. Семнадцатое столетие — столетие, открывающее период Нового времени, — стало переломным не только в истории западноевропейской цивилизации, но и в истории философского знания и «позитивных» наук, в том числе и в такой специфической сфере, как политическая мысль, развивавшейся на стыке философии и науки. Политическая теория рассматриваемого периода оказалась способной подняться до осознания объективного несовершенства существующих политических институтов и дать свои рекомендации по устранению выявленных недостатков, насколько это представлялось принципиально возможным в условиях изначального несовершенства данного нам в ощущениях мира. В политической мысли рассматриваемого исторического периода развернулась оживленная теоретическая полемика между сторонниками монархической и республиканской форм правления. Революционная ситуация, сложившаяся в некоторых передовых европейских государствах на протяжении тревожного XVII в., открывала возможность постичь на практике достоинства или недостатки существующих форм правления. Представляется совершенно естественным, что формирование теоретических воззрений конкретных политических мыслителей или правоведов складывалось под влиянием доминирующей идеологии (либо конкурирующих идеологий) того времени. Более того, следует заметить, что монархистские или республиканские взгляды конкретных авторов не всегда являются теоретически прочно аргументированными, но зачастую базируются на субъективных предпочтениях мыслителей. Таким образом, настоящая статья освещает довольно неоднозначную проблему особенностей монархической и республиканской форм правления в политической мысли XVII столетия.

**Ключевые слова:** XVII век; абсолютная монархия; буржуазная революция; гражданская война; конституционализм; монархисты; монархомахи; ограниченная монархия; парламентаризм; политическая мысль; республиканцы; суверенитет.

**Для цитирования:** Галкин И. В. «Монархисты» и «республиканцы» в западноевропейской политико-правовой мысли XVII в. // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 2. — С. 134–150. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.171.2.134-150.

### "Monarchists" and "Republicans" in the Western European Political and Legal Thought of the 17th Century

Ivan V. Galkin, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)  
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993  
galckynvanya@rambler.ru

**Abstract.** The paper is devoted to the problem of theoretical approaches to monarchical and republican forms of government that were reflected in the works of representatives of Western European political thought of the

© Галкин И. В., 2021

\* Галкин Иван Викторович, кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)  
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993  
galckynvanya@rambler.ru

17th century. The seventeenth century is the century that opens the period of Modern Times. It was a turning point not only in the history of Western European civilization, but also in the history of philosophical knowledge and "positive" sciences, including in such a specific field as political thought, which developed at the intersection of philosophy and science. The political theory of the period, was able to rise to the realization of the objective of the imperfection of existing political institutions and give its recommendations for addressing the identified deficiencies, as far as it was possible in terms of initial imperfections is given to us in sensations of the world. The political thought of the historical period under consideration showed a lively theoretical polemic between the supporters of the monarchical and republican forms of government. The revolutionary situation developed in some of the advanced European states during the alarming seventeenth century made it possible to understand the advantages or disadvantages of the existing forms of government. It seems quite natural that the formation of the theoretical views of specific political thinkers or jurists was formed under the influence of the dominant ideology (or competing ideologies) of that time. Moreover, it should be noted that the monarchist or republican views of specific authors are not always theoretically well-reasoned, but are often based on the subjective preferences of thinkers. Thus, this paper highlights a rather ambiguous problem of the features of monarchical and republican forms of government in the political thought of the 17th century.

**Keywords:** 17th century; absolute monarchy; bourgeois revolution; civil war; constitutionalism; monarchists; monarchomachs; limited monarchy; parliamentarism; political thought; Republicans; sovereignty.

**Cite as:** Galkin IV. «Monarkhisty» i «respublikantsy» v zapadnoevropeyskoy politiko-pravovoy mysli XVII v. ["Monarchists" and "Republicans" in the Western European Political and Legal Thought of the 17th Century]. *Lex russica*. 2021;74(2):134-150. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.171.2.134-150. (In Russ., abstract in Eng.).

**Предварительные замечания.** Наступление XVII века — столетия, открывающего период Нового времени в Западной Европе, — было ознаменовано возрастанием процесса эмансипации науки и философии от теологии, а также расхождением когнитивных интересов философии и науки, берущим начало еще в эпоху Возрождения. Вольнодумный и чувственный пафос Ренессанса довольно скоро сменился суровым, аскетическим этосом Реформации — так ригористическая протестантская этика оборачивается принципиальной частью идеологического фундамента современной западной цивилизации. «Предоставив дело спасения души “одной лишь вере”, протестантизм тем самым вытолкнул разум на поприще мировой практической деятельности — ремесла, хозяйства, политики. Применение разума в практической сфере тем более поощрялось, что сама эта сфера, с точки зрения реформаторов, приобретает особо важное значение: труд выступает теперь как своего рода мирская аскеза, поскольку монашескую аскезу протестантизм не принимает. Отсюда уважение к любому труду — как крестьянскому, так и ремесленному, как деятельности землекопа, так и деятельности предпринимателя. Этим объясняется характерное для протестантов признание особой ценности технических и научных изобретений, всевозможных усовершенствований, которые способствуют облегчению труда и стимулированию материального производ-

ства»<sup>1</sup>. Тем не менее в процессе исторического развития буржуазного общества религиозная идеология протестантизма (как и ранее католичества) неизбежно становится существенной помехой на пути формирования совершенно новой светской идеологии, вызревавшей в лоне западноевропейской цивилизации накануне эпохи Просвещения, а философская и научная мысль (и не в последнюю очередь в сфере политики) приобретает всё более секулярный и позитивный характер.

В сфере «реальной» политики дело обстоит таким образом, что политическая теория всегда следует за политической практикой, идущей впереди и интуитивно проторяющей новые пути развития цивилизованного общества, а «действующие» политики, обладающие хорошо развитым «политическим инстинктом», дают материал для последующего анализа мыслителям и теоретикам. Данный тезис несложно подтвердить, обратившись к хорошо известным историческим примерам. Монархическая форма правления — древнейшая из двух известных политической науке форм правления — вырастает из *потестарной* власти племенных вождей неолита и на заре бронзового века постепенно превращается в *политическую* власть самодержавных государей — деспотов ранних «городских» цивилизаций Древнего Востока («лугали», «фараоны», «басилевсы», «раджи», «ваны» и «хуанди»). Однако теоре-

<sup>1</sup> Гайденко П. П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М., 2000. С. 8.

тическое обоснование положительных или отрицательных сторон монархической формы правления происходило с известным «запозданием» — уже в Античность и Средневековье, то есть почти одновременно с формированием элементов ранней политической науки. Древнеиндийский трактат «Артхашастра», автором которого традиционно считается полулегендарный государственный деятель и политический мыслитель рубежа IV–III вв. до н.э. Каутилья (Чанакья), но прежде всего труды всемирно известных корифеев политической мысли античных Греции и Рима — Платона, Аристотеля, Полибия, Цицерона — содержали элементарный теоретический анализ характерных черт организации публичной власти при монархической форме правления. В Средние века и раннее Новое время монархические теории, как правило, развивались в контексте догматической религиозной мысли, ибо политический аспект «мира дольного» мыслился как весьма несовершенное отражение небесной иерархии «мира горнего» (Августин Блаженный, св. Фома Аквинский, Марсилиус Падуанский, Жан Жерсон, Эразм Роттердамский, Жан Боден, Роберт Филмер и др.).

Формирование республиканской формы правления при демократической организации политических институтов общества полисов впервые происходит в «реальной» политической практике античных цивилизаций в начале железного века и только несколько позднее опосредуется теоретической мыслью Античности — нередко в весьма критическом ключе (Демокрит, софисты, Платон, Аристотель, Эпикур, киники, Полибий и др.). В Средние века вольные города, города-коммуны или города-республики возникают совершенно «стихийно» в обстановке бурного развития торгово-капиталистических отношений в Италии, Германии, Нидерландах (Венеция, Флоренция, Амстердам, Антверпен, Роттердам, Гамбург, Любек, Бремен и т.д.), и только в канун Нового времени факт возрастающего их значения в социально-экономической сфере жизни Европы находит теоретическое осмысление в трудах мыслителей (Марсилиус Падуанский, Бальдус де Убальдис, Никколо Макиавелли, Юст Липсий, Иоганн Альтузий, Гуго Гроций и др.). Важно понимать, что республиканская форма правления в Средние века — это атрибут совсем незначительного числа довольно небольших, но экономически процветающих «протобуржуазных» городских агломераций, в то же время зачастую полити-

чески совершенно несамостоятельных и находящихся во «враждебном окружении» типичных для того исторического периода крупных и могущественных феодальных государств с монархической формой правления. Ситуация качественно изменяется с наступлением Нового времени, когда в результате успешных буржуазных революций на политической карте мира появляются первые достаточно крупные и суверенные государства с республиканской формой правления: Нидерландские штаты, Соединенные Штаты Америки, Первая республика во Франции, Швейцарская конфедерация и т.п. В большом числе вышеупомянутых примеров политическая теория пыталась постфактум осмыслить те объективно сложившиеся типические черты и закономерности организации общества и публичной власти, которые возникали в государствах с той или иной конкретной формой правления — будь то в монархиях или в республиках.

Политическая мысль к XVII в. достигает настолько высокого уровня абстракции и добивается столь серьезной объяснительной силы, что оказывается способна теоретически обосновать феномены государства и права в ранее недоступной для данной сферы знания степени адекватности постижения фактов. Представляется совершенно естественным, что формирование теоретических воззрений конкретных политических мыслителей или правоведов складывалось под влиянием доминирующей идеологии (либо конкурирующих идеологий) своего времени. В итоге политические мыслители и теоретики в своих работах *volens-nolens* отстаивают достоинства того либо иного типа государственного устройства, политического строя или даже принимают активное идейное, а иногда и личное участие в противостоянии интересов политических партий или борьбе народных масс (монархомахи, Дж. Мильтон, Дж. Уинстенли и др.). Понятие «монархист» в политическом контексте «бунташного» XVII века — столетия буржуазных революций — практически синонимично современному понятию «консерватор», в то время как «республиканец» могло означать как вполне умеренного «либерала» (английские пресвитериане и индепенденты), так и решительно настроенного «радикала» (английские левеллеры или диггеры), выступавшего за насильственную смену формы правления, сопровождающуюся полным отчуждением или обобществлением частной собственности. Довольно влиятельным течением политической

мысли в начале Нового времени становятся так называемые «конституционалисты»<sup>2</sup>, для которых на первый план выходит не традиционный вопрос о наилучшей форме правления, но проблема конституционно-правового регулирования политических институтов при любой реально сложившейся форме государственного устройства (Шарль дю Мулен, Ги Коквиль, Теодор Беза, Франсиско Суарес, Ричард Хукер, Иоганн Альтузий, Кристоф Безольд и др.). По этой причине «конституционалисты» в равной мере могли быть как «монархистами», так и «республиканцами». «Классические подходы к определению конституции и, соответственно, конституционализма сложились в XIX в., когда, собственно говоря, сформировалась юридическая наука в современном смысле слова (включая теорию права и основные отраслевые юридические дисциплины) и когда конституция становится реальностью в правовых системах западных государств»<sup>3</sup>.

## § 1. «Монархисты»

### в политико-правовой мысли XVII в.

1.1. В общемировой политической практике и политической науке в сфере проблемы формы организации государственного правления давно сложилась довольно устойчивая «бинарная оппозиция», а именно реальная политика знает две, и только две, противоположные по своему содержанию формы правления — *монархическую* и *республиканскую*. Естественно, что между «идеальной монархией» (правлением одного) и «идеальной поликратией» (правлением всех) как между некими условными полюсами можно расположить целый ряд известных мировой истории «переходных форм» (аристократия, олигархия, директория и т.п.), хотя это нисколько не отменяет самой сути феномена. Для политической мысли Нового времени теоретическая линия «монархистов» может быть признана вполне традиционной, поскольку имела к тому времени довольно длительную предысторию, оставившую большой след в политико-правовой литературе с древнейших времен. Монархическая форма правления получила особенно мощную идеологическую (и теоретическую) поддержку в

средневековой Европе в обстановке доминирования религиозной идеологии, зиждившейся на «четыре кита»: монотеизме, теоцентризме, креационизме и провиденциализме. Однако и казавшаяся столь традиционной монархическая линия не была совершенно монолитной, и среди множества ее представителей можно выделить по крайней мере два теоретических направления: первое направление составляли протагонисты *абсолютной*, ничем не ограниченной монархии (Жан Боден, Уильям Барклей, Роберт Филмер, Жак-Бенинь Боссюэ и др.); второе — конституционные монархисты, то есть сторонники *ограниченной* (конституционной или парламентарной) монархии (Теодор Беза, Франсиско Суарес, Ричард Хукер, Джордж Лоусон, Ричард Бакстер, Джон Локк и др.).

Для склонного к традиционализму общественного сознания (от ранних цивилизаций до современности) монархия — оптимальная форма правления, ибо персона государя есть земное воплощение, или лучше сказать — переходящее замещение главы небесной иерархии. Поскольку ключевой для монархического правления акт помазания на царство является сакральным обрядом, подтверждающим духовную связь государей с Господом Богом, то удобный Богу государь, как «помазанник Божий», принципиально не может проводить неверную либо порочную политику. Практически все сколько-нибудь заслуживающие внимания представители религиозной мысли и идеалистической философии Средних веков и Нового времени (от Блаженного Августина до Гегеля), размышлявшие о политических институтах общества, были сторонниками монархической (шире — автократической) формы правления, при которой политическое верховенство или *суверенитет* принадлежит государю. Выдающийся французский политический и религиозный мыслитель XVI столетия, правовед, сторонник абсолютной монархии Жан Боден (ок. 1530–1596) в своей работе «Шесть книг о государстве» (*Le Six Livres de la République*, 1576) впервые дал четкое теоретическое обоснование категории суверенитета, слагавшегося из следующих основных публично-властных правомочий (*true marks*) суверена: 1) издание и изменение законов; 2) право войны и мира; 3) назначение должностных лиц; 4) правосудие

<sup>2</sup> Понятие «конституционалисты» в привычном для нас словоупотреблении появляется в эпоху Просвещения.

<sup>3</sup> Честнов И. Л. Постклассическая теория права : монография. СПб., 2012. С. 336.



в последней инстанции и право помилования; 5) чеканка монет; 6) определение мер и весов; 7) взимание налогов и податей. При этом Жан Боден подчеркивал, что все перечисленные прерогативы содержатся, по существу, в праве самодержавного суверена на законотворчество (chief mark)<sup>4</sup>.

Концепция абсолютной монархии приобретает колоссальный авторитет в средневековой Европе в результате повсеместного распространения в европейском культурном пространстве библейских текстов, излагающих драматическую историю грехопадения «первых людей» — супружеской четы Адама и Евы, изгнания легендарных прародителей человечества Богом из Эдема и распространения их потомства на планете Земля. Более того, важным правовым прецедентом для обоснования «симфонии» сакральной власти папского престола и секулярной власти европейских государств (с очевидным преобладанием власти папства — так называемый «папоцезаризм») следует считать библейский сюжет о помазании ветхозаветным пророком Самуилом на царствование Саула — первого государя Израильского царства. Необходимо отметить, что для начальной поры Нового времени концепции неограниченного монархического правления имели весьма прогрессивный характер, поскольку именно в этот период (когда возникает исторически недолгий паритет между «нисходящей» феодальной и «восходящей» буржуазной социально-экономическими формациями) происходит постепенный переход наиболее могущественных автократов Западной Европы к режиму абсолютной власти (Франциск I Валуа, Карл V Габсбург, Генрих IV Бурбон, Карл I Стюарт и др.). Европейская политическая мысль в Новое время предпринимает активные усилия для теоретического обоснования целесообразности абсолютной монархии как единственно оптимальной формы правления, что становится особенно актуальным в период кризиса «легитимных» монархий, вызванного туром буржуазных революций в Западной Европе (Нидерланды и Англия). Естественно, что европейские государи, их бюрократический аппарат и многочисленные слуги двора в столь тревожные для судьбы самодержавия времена были остро заинтересованы в теоретическом обосновании

политическими мыслителями автократического «божественного права» монархов на отправление всей полноты публично-властных функций без каких-либо изъятий и ограничений.

Влиятельный английский религиозный мыслитель и монархист Роберт Филмер (1588–1653) в своем известном политическом трактате «*Патриарх, или Естественная власть королей, и в частности короля Англии*» (Patriarcha, or the Natural Power of Kings, 1680) сделал попытку осмысления происхождения политической власти монархов в контексте «патриархальной теории». В данной работе автор утверждает, что королевская власть есть прямое продолжение патриархальной власти Адама, а затем первых боговдохновенных пророков, по этой причине власть монарха подчинена одному лишь божественному праву и, следовательно, совершенно не подвластна праву волеустановленному. «Когда сэр Роберт Филмер, видный проponent патриархальной теории и божественного права королей, писал в 1650-е гг., что “не может быть какого-либо людского множества, будь оно сколь угодно большим либо малым, ...в котором, то есть таком множестве... не нашелся бы среди себе подобных некий Человек, который согласно самой природе обладает [естественным] правом быть Государем надо всеми остальными”, то он вовсе не желал раздражить свою аудиторию с помощью противоречащей логике гипотезы, пытаясь превратить погожий день в запыленный философский семинар. [Напротив], Филмер утверждал нечто такое, в чем он мог бы с полным основанием ожидать безоговорочного согласия от окружавших его наиболее образованных и уважаемых [носителей] мнений, то есть нечто такое, что очевидно было воплощено в социальной, семейной, политической сферах и церковной организации и во что многие из его современников верили или должны были верить по большей части безо всяких сомнений»<sup>5</sup>. Следует напомнить, что патриархально-автократическую позицию Роберта Филмера довольно резко раскритиковал выдающийся английский философ-просветитель XVII столетия, сторонник конституционной монархии Джон Локк, который, опираясь на положения прогрессивной для своего времени теории общественного договора, отстаивал

<sup>4</sup> См. подробнее: Bodin J. On Sovereignty: four chapters from The Six Books of a Commonwealth / Ed. and transl. by J. H. Franklin. Cambridge, 2010. P. 46–88.

<sup>5</sup> Waldron J. God, Locke, and Equality. Cambridge, 2002. P. 5.

либеральные идеи гражданского общества, народного суверенитета, разделения властей как в чистом виде человеческих установлений<sup>6</sup>.

Одним из наиболее авторитетных и талантливых протагонистов абсолютной власти государей был видный французский религиозный и политический мыслитель XVII в. Жак-Бенинь Боссюэ (1627–1704). Ж.-Б. Боссюэ выступал последовательным идеологом и рупором того политического курса, который лег в основу блестящего правления короля Франции Людовика XIV Бурбона — правления, давно уже сделавшегося ярчайшим символом абсолютизма во всемирно-историческом масштабе<sup>7</sup>. Не в меньшей мере, чем, быть может, сам Людовик XIV, Боссюэ определил идеологический облик абсолютной монархии во Франции в период ее наивысшего расцвета, ибо его историко-политические концепции во многом были близки мировоззрению французского государя. Согласно мнению известного отечественного мыслителя П. Б. Струве, «Боссюэ вошел в историю как истинный француз и великий консерватор», ибо он «стремился к национальной мощи и национальной устойчивости»<sup>8</sup>. Обще-ственно-политические воззрения Ж.-Б. Боссюэ изложены прежде всего в таких наиболее известных его работах, как «Рассуждение о всеобщей истории» (*Discours sur l'histoire universelle*, 1681) и «Политика, написанная на основе слов, взятых из Священного Писания» (*Politique tirée de l'Écriture sainte*, 1709), отразивших систему ценностей автора и позволяющих прикоснуться к его представлениям о природе общества и государства. Указанные трактаты (наряду с «Историей Франции» и некоторыми философскими сочинениями, такими как «Логика», «Познание Бога и самого себя» и др.) были адресованы юному дофину, наставником которого Ж.-Б. Боссюэ был почти целое десятилетие. «Рассуждение о всеобщей истории» задумывалось Боссюэ с целью не только дать дофину необходимые знания о ходе всемирной истории, но и объяснить те конкретные факторы, которые стоят за ее движением, находясь в основе постоянно изменяющегося мира, а также понять, каковы причины расцвета и падения империй, чтобы

наследник мог извлечь полезные уроки для своего будущего правления. Кроме того, «Рассуждение» резюмирует основные черты религиозного миропонимания Боссюэ как католического епископа, поскольку сосредотачивает в себе те принципиальные аргументы, которые может выставить «добрый католик» против представителей протестантских деноминаций и иных злонамеренных критиков священных догматов католической церкви<sup>9</sup>.

«Политика», каковую вполне справедливо считать квинтэссенцией социально-политических идей Ж.-Б. Боссюэ, была написана с целью раскрыть перед дофином основные аспекты политической науки, описать происхождение, природу разных типов публичной власти, и в первую очередь власти монархической. В данной работе Боссюэ в логической последовательности изложил аргументы, способные послужить обоснованию и защите политических институтов абсолютной монархии, утверждая, что наследственная монархия является наилучшей формой правления и относится к самому древнему и естественному способу политического общения, коль скоро в начале истории людьми управлял сам Господь Бог как самодержавный государь. Сосредоточение всей власти в руках монарха всегда служит исключительно на благо государства, ибо лишь самодержавный государь способен заботиться об общем благе своих подданных, являясь наместником Бога на земле. По мнению мыслителя, монарх всегда заинтересован в процветании своего государства, которое достигается путем установления общего блага, и здесь позиция Ж.-Б. Боссюэ согласуется с мыслью Томаса Гоббса о том, что только при монархии личные интересы суверена совпадают с общими интересами. Поскольку власть монарха священна в самой своей основе, то религия и совесть обязывают каждого подданного подчиняться своему государю, даже если тот не исполняет свои обязанности в должной мере и ведет себя не подобающим его положению образом. Находясь под очевидным влиянием ряда политических идей Гоббса, Боссюэ приходит к выводу о том, что, сосредотачивая в себе суверенитет, го-

<sup>6</sup> См. подробнее: The Cambridge Companion to Locke / ed. by Vere Chappell. Cambridge, 1994. P. 256–257.

<sup>7</sup> Широко известное высказывание короля Людовика XIV «Государство — это я!» («L'État c'est moi!») давно уже стало поистине крылатым.

<sup>8</sup> Струве П. Б. Дух и слово. Париж, 1981. С. 338, 341.

<sup>9</sup> Подробнее см.: Bossuet J.-B. Discours sur l'histoire universelle. Chronologie et preface par J. Truchet. Paris, 1966.

сударь становится главным источником правовых законов и, следовательно, он всегда может их изменять согласно своему личному усмотрению. В непростой для французского государства исторический период Войны за испанское наследство (1701–1714) в обществе развернулась жесткая критика Людовика XIV и применяемых им методов государственного руководства, и «Политика» Ж.-Б. Боссюэ, опубликованная уже после смерти автора, немало поспособствовала поддержанию авторитета режима абсолютной монархии во Франции<sup>10</sup>.

**1.2.** Накануне Нового времени в среде политических мыслителей Западной Европы развернулась оживленная теоретическая дискуссия о необходимой мере ограничения сильной, а следовательно, и недостаточно контролируемой в своем административном произволе королевской власти. Наиболее развитые западноевропейские государства вступают в период так называемой сословно-представительной монархии, одной из предпосылок чего было возвышение городов и появление нового класса частных собственников — буржуазии. Позднее Средневековье становится свидетелем формирования органов сословного представительства во многих странах Европы (Кортесы в Испании, Парламент в Англии, Генеральные штаты во Франции, Рейхстаг в Священной Римской империи, Сейм в Речи Посполитой и др.), то есть парламентов, ставших политической опорой для возвышения зарождающегося класса буржуазии. Однако переход монархий к абсолютизму в раннее Новое время прервал последовательный ход развития институтов парламентаризма во многих феодальных государствах Европы, поскольку самодержавные государи всё реже прибегали к их помощи в отправлении своих властных полномочий, хотя в ряде случаев парламенты смогли закрепиться как органы законодательной (либо законосовещательной) «ветви» власти. Тем не менее явная неудача первых опытов институционализации европейского парламентаризма на «эмпирическом уровне»

политики не отменяла возможности и необходимости осмысления различных способов ограничения либо регулирования институтов публичной власти на «теоретическом уровне», чем и были заняты наиболее передовые представители политической мысли своего времени.

Известный французский религиозный и политический мыслитель рубежа XIV–XV вв. Жан Жерсон (1363–1429) был одним из первых влиятельных европейских теоретиков, выступивших за ограничение самодержавной власти монарха деятельностью политических институтов. Поскольку в ходе Столетней войны Генеральные штаты<sup>11</sup> во Франции утратили былой политический авторитет (Великий мартовский ордонанс 1357 г. не был претворен в жизнь), то вполне объяснимо, почему Ж. Жерсон уделял пристальное внимание властным прерогативам Большой королевской курии (*curia regis*). «Интересно отметить убежденность Жерсона в том, что члены королевской курии должны быть набраны из числа представителей всех общественных слоев королевства: “Могло бы представляться весьма выгодным для основных частей королевства призывать и выслушивать представителей знати, духовенства и горожан в одинаковой мере” — не из некоего “демократического” интереса, но потому, что жизненный опыт советников дает им твердую осведомленность о проблемах королевства, и куриалы, таким образом, с большей вероятностью смогут подать справедливый и практичный совет: в противном случае “жизнь [королевства] иссякнет в самом его сердце” (а жизнь королевства не может быть ограничена жизнью одного только сердца, которое, насколько мы понимаем, символизирует персону короля либо же короля и высших сеньоров). В конечном итоге, резюмируя данную проблему, Жерсон сравнивает короля без “благоразумного совета” с “головой на теле, но без глаз, ушей или носа”»<sup>12</sup>.

Как мы могли убедиться, для Жана Жерсона теоретически приемлемой была не привычная нам сегодня модель бессловесного «многолюд-

<sup>10</sup> Подробнее см.: *Bossuet J.-B. Politique de Bossuet / textes choisis et presentes par J. Truchet*. Paris, 1966. См. также: *Bossuet J.-B. Politique sacree tiree des propres paroles de l'ecriture sainte; et avec introd. et notes par J. Le Brun*. Geneve, 1967.

<sup>11</sup> Генеральные штаты — высшее сословно-представительское учреждение в средневековой Франции (в 1302–1789 гг.). Возникновение Генеральных штатов было связано с ростом городов, обострением социальных противоречий и классовой борьбы, что вызывало необходимость укрепления феодального государства.

<sup>12</sup> *The Cambridge History of Medieval Political Thought*, c. 350 — c. 1450 / ed. by J. H. Burns. Cambridge, 2007. P. 548–549.



ного» парламента, но скорее модель некоего узкого совещания близких к государю лиц, облеченных личным доверием монарха и обладающих государственной мудростью. Предпочтения Жерсона легко объяснимы, поскольку именно такие вполне аристократические по составу «ближние» королевские советы (уитенагемот, королевская курия, боярская дума и т.п.) исторически предшествовали формированию классических, то есть привычных нам современных, «массовых» легислатур. По мнению современного западного медиевиста Б. Даунинга, представительские ассамблеи типа парламентов, штатов, кортесов и т.п. берут свое начало в средневековой феодальной организации. Первоначально они не являлись ни законодательными, ни эгалитарными органами, но были скорее консультативными учреждениями, призванными обеспечить защиту сословных привилегий, то есть, по сути, сословное неравенство. Однако в ходе противоборства сначала с церковной организацией, а затем с монархическим абсолютизмом они приобретают современные функции. Уже с конца XIII — начала XIV в. к их функциям относились: во-первых, представление аристократией, духовенством, бюргерами региональных и классовых интересов; во-вторых, защита представителями сословий своих прав от посягательств со стороны короля; в-третьих, решение вопросов национального уровня; в-четвертых, усиление своих привилегий, свободы и роли в правительстве; в-пятых, создание основы национальной интеграции, препятствующей распаду той или иной территориальной целостности государства<sup>13</sup>.

Поскольку на излете Средневековья органы сословного представительства смогли достаточно прочно закрепиться в политической системе лишь избранных государств Европы, то и теоретическое обоснование компетенции, структуры и функций представительных органов к началу Нового времени появляется только в тех государствах, где практически не прерывалась линия деятельности легислатур, то есть прежде всего в Англии. Английское королевство — страна «недостроенного абсолютизма» — обладает рядом уникальных черт в организации системы публичной власти, которые можно объяснить

контаминацией традиционных и прогрессивных черт в структуре общества и организации государственности. Отсюда становится понятным интерес к конкретным способам ограничения института королевской власти органами сословного представительства в работах английских классиков политико-правовой мысли в Новое время. К XVII в. — столетию Английской буржуазной революции — теоретический аспект концепции ограниченной (или парламентарной) монархии в достаточной мере вызрел и принес вполне заслуживающие упоминания плоды в сфере политической проблемы избрания наилучшей формы государственного устройства, хотя в духе своего времени он был всё еще одет в религиозную оболочку христианства. В период подъема движения Реформации (примерно с начала XVI в. и до середины XVII в.) политическими мыслителями были сформулированы три базовые функции «христианского государства», к каковым относились: поддержание внутреннего порядка посредством отправления правосудия, защита населения от иноземных захватчиков и, возможно самое главное, принуждение к религиозной ортодоксии, то есть контроль над свободой совести людей во имя спасения заблудших душ от вечного проклятия. Эта последняя обязанность, предполагающая «взаимопроникновение небесного и мирского царств», была явно позаимствована из раннехристианского мировидения, где подчеркивалось особое предназначение государя как служителя истинной церкви. На протяжении Средних веков монархи видели себя на «переднем крае» защиты христианской веры, но значимость этой священной обязанности светских властителей достигает совершенно небывалых высот в период наивысшего расцвета протестантского движения эпохи Реформации<sup>14</sup>.

В политической мысли первой половины XVII в. общераспространенные взгляды на природу и цели государства были глубоко отличными от либерализма и толерантности политических концепций наших дней, и ограничение власти монарха предусматривалось здесь не столько в пользу подданных или парламента, сколько в пользу церкви. Данное мировоззрение, вызревавшее веками и принимавшееся

<sup>13</sup> См.: Downing B. Medieval origins of constitutional government in West // Theory and society. Amsterdam, 1989. Vol. 18. № 2. P. 225.

<sup>14</sup> См., например: Medieval Political Theory — A Reader: The Quest for the Body Politic, 1100–1400 / ed. by C. J. Nederman and K. Langdon Forhan. N. Y., 1993. P. 14. См. также: Shennan J. H. Government and Society in France, 1461–1661. London, 1969. P. 13–14.



большинством априори, было убедительно сформулировано в середине XVII в. английским пресвитерианским священником и плодовитым ученым-теологом, служившим во времена революции капелланом в парламентской армии, а после Реставрации 1660 г. ставшим религиозным нонконформистом, *Ричардом Бакстером* (1615–1691). Его интеллектуальный габитус представлял собой традиционную для английских протестантов эпохи Реформации смесь кальвинизма и перипатетизма, и хотя он враждебно относился к роялистам и англиканам, однако разделял многие из их аргументов в заочной полемике с Томасом Гоббсом. В своем труде «*Священное государство*» (*A Holy Commonwealth*, 1659) — классическом произведении английской пуританской литературы — Р. Бакстер совершенно недвусмысленно утверждал, что любое правительство, в котором отсутствует эффективная исполнительная власть, не может быть суверенным, а основная цель всякого преходящего земного правительства — способствовать вечному благоденствию людских душ и прославлению Господа. В Божественном государстве воздаяние чести и угождение Господу, а в равной мере и спасение человеческих душ являются главными целями, в то время как физическое благополучие людей оказывается целью, им подчиненной. Повседневные мирские усилия правителя ценны только в том случае, если они уготовляют человека к загробной жизни, а присущий большинству исторических правительств авторитаризм устанавливал этот базовый долг общества в отношении лиц любого звания и общественного положения. Однако вне истинной церкви не могло быть спасения души, и поэтому английский мыслитель всегда оставался твердым сторонником обязательного основания национально-церковной общности в пуританском духе. Для Бакстера, так же как и для его средневековых предшественников, и для многих его современников, церковь и государство являлись двумя взаимосвязанными аспектами одного и того же объединенного сообщества: политическое и церковное здесь было одним. Долгом государства было поддерживать церковь в ее работе по прославлению Бога и в ее заботе о спасении человеческих душ. «Самым счастливым государством будет то, — отме-

чал Ричард Бакстер, — которое в наибольшей степени достигает целей правительства и общества, являющихся общественным благом, особенно в вопросах попечения о вечности и угождения Богу, Абсолютному Господу и Царю всего сущего...»<sup>15</sup>. Следует отметить, что религиозные (неважно, искренние или нет) и династические заботы европейской политической элиты глубоко затрагивали огромные массы подвластного населения, особенно когда дело доходило до применения мер организованного государственного насилия против своих соседей. Как весьма точно подметил один современный ученый, «война и дипломатия велись немногими в интересах многих, чье молчаливое согласие было всем, что от них требовалось»<sup>16</sup>.

Более традиционный светский вариант теории ограниченной монархии содержится в трудах старшего коллеги и приятеля Ричарда Бакстера, пресвитерианского богослова и политического мыслителя, принявшего сторону парламента, *Джорджа Лоусона* (ок. 1598–1678). Как и в случае Р. Бакстера (заимствовавшего у Лоусона немалое число аргументов), приверженность Дж. Лоусона пресвитерианству не помешала ему занять идейную позицию, которая сближала его с англиканскими критиками философской концепции Т. Гоббса. Наиболее значительная работа Джорджа Лоусона «*Политика священная и гражданская*» (*Politica Sacra et Civilis*, 1660), содержащая в себе радикальные идеи революционной поры, но также отчасти возрождавшая политические и церковные идеи Марсилиа Падуанского, впервые была опубликована в 1660 г. и переиздана в 1689 г., то есть в те два ключевых для английской истории момента, когда сама структура национального государства перестраивалась заново. В каждом из этих случаев монархи ждали исхода конституционных дебатов и прояснения расклада военных сил, предполагая, что институты исполнительной власти будут возвращены к состоянию, существовавшему в Англии перед началом Гражданской войны. Дж. Лоусон подчеркивал, что пишет для простых читателей, предлагая свое понимание происхождения и развития соответствующего механизма управления как церкви, так и государства, англичанам, которые были утомлены нестабильностью,

<sup>15</sup> *Baxter R. A Holy Commonwealth* / ed. by W. Lamont. Cambridge, 1994. P. 127–128. См. также: *Schlatter R. Richard Baxter and Puritan Politics*. Rutgers, NJ, 1957. P. 23.

<sup>16</sup> *War, Diplomacy and Imperialism, 1618–1783* / ed. by G. Symcox. N. Y., 1974. P. 3.

конфликтами и неопределенностью, вызванными войнами и последующим «междоусобицей» (1649–1660)<sup>17</sup>.

Принципиальный вклад Дж. Лоусона в конституционные дебаты XVII в. состоял в том, чтобы отнять право на сопротивление у официальных органов, которые, как предполагалось, представляют всех подданных, и закрепить это право вместе с источником всего суверенитета за всем сообществом в целом. Таким образом, он провел принципиальное и фундаментальное различие между правительством как набором согласованных политических институтов и единым народом, чье объединенное сообщество и статус как особого юридического лица остается неизменным, даже если сбившееся с правильного пути правительство могло быть распущено. *Личное величие* или *использование* суверенитета задействовали законодательную, судебную и исполнительную функции власти, хотя конкретная форма, которую принимает правительство, может быть различной<sup>18</sup>. Такое личное величие могло воплощаться в личности правителя, который использовал суверенитет в форме некоего узурпатора либо иной формы делегирования полномочий, однако *истинное величие* или фундаментальный суверенитет были неотъемлемой собственностью народа. Лоусон настаивал на том, что истинное величие не может быть утеряно сообществом или отчуждено у сообщества, пока само сообщество остается сообществом; и подчиняться этому следует, пока сообщество не будет уничтожено. С другой стороны, подчинение личному величию было обязательным только до тех пор, пока король жил и правил в согласии с законом, «но после его смерти, или при проявлении [признаков] тирании, или действиях, направленных на разрушение принципиальных установлений конституции он перестает быть сувереном и обязанность [подданных] по отношению к нему также прекращается»<sup>19</sup>.

В понимании Дж. Лоусона «протополитическое» сообщество было юридическим лицом, совершенно отличным от официальных и формализованных институтов парламента или цер-

кви. Неформальные ассоциации семей, родов и соседей первоначально добровольно вызвались объединиться в единое корпоративное образование для их взаимной «безопасности, помощи, удобства», при этом всегда уважая «[право] собственности на имущество, свободу людей, равенство членов [общин]»<sup>20</sup>. По мнению Лоусона, сообщество могло совершенно свободно устанавливать любую форму правления, какую оно пожелает, однако если власть должна была быть предоставлена более чем одному человеку, как это предусмотрено английской политической формулой «король, лорды и общины», то необходимо помнить, что суверенитет не мог быть разделен тем же способом. Другими словами, такое «многочленное» правительство образовывало единое моральное единство, объединяющее правосудные, законодательные и исполнительные функции — точно так же, как «протополитическое» сообщество было чем-то большим, чем простой суммой отдельных членов<sup>21</sup>. Таким образом, если вышеупомянутые составные части «английского суверена» вступали в конфликт, как это нередко происходило в Англии после событий 1642 г., то правительство должно было быть распущено, а властные полномочия установить новое правительство должны возвратиться к первоначальному сообществу. Дж. Лоусон отвергал идею, что члены парламента могут утверждать свое превосходство над королем, как в действительности имело место в 1642 г., и при этом оставаться верными установлениям власти, учрежденным древней английской конституцией. Обе палаты парламента не могут «осуществлять обычные властные полномочия короля, хотя они могли использовать его имя и делали это вопреки его согласию. Если они утверждают, что его власть была утрачена и перешла к ним, то это было бы трудно доказать»<sup>22</sup>. Ни король, ни легислатура, согласно конституции, не могли действовать одна без другой, но, поскольку прежнее правительство на данном этапе распалось, то отдельные лица, хотя и оказались у власти посредством узурпации, получили право исполнять властные полномочия, тем более что

<sup>17</sup> См. подробнее: Lawson G. *Politica Sacra et Civilis* / ed. by C. Condren. Cambridge, 1992. P. IX–XVIII.

<sup>18</sup> См.: Lawson G. *Op. cit.* P. X.

<sup>19</sup> Lawson G. *Op. cit.* P. 226.

<sup>20</sup> Lawson G. *Op. cit.* P. 25, 29.

<sup>21</sup> См. подробнее: Tierney B. *Religion, Law, and the Growth of Constitutional Thought, 1150–1650*. Cambridge, 1982. P. 99–100.

<sup>22</sup> Цит. по: Franklin J. H. *John Locke and the Theory of Sovereignty*. Cambridge, 1978. P. 78.

новое правительство взяло курс на приращение общественного блага. Однако даже и в этом случае личное величие узурпирующего власть лица не могло претендовать на легитимность до тех пор, пока не заручилось молчаливым или явно выраженным согласием всего сообщества. Подлинное величие никогда не могло быть отчуждено представительным собранием или монархом, хотя при нормальном положении дел сообщество всецело полагается на своих должностных лиц в деле смены правительственного курса, особенно в случае возникновения проблем в государстве. Даже правительства, созданные завоеванием, не могли претендовать на легитимность до тех пор, пока не получали согласия сообщества; всякое «личное величие» подлежало отчуждению на условиях, установленных основным и неотъемлемым «истинным величием» народа<sup>23</sup>.

## § 2. «Республиканцы» в политико-правовой мысли XVII в.

**2.1.** Теория республиканизма в Новое время развивалась в контексте двух основных направлений политической мысли: *реалистического* и *утопического*. Реалистическая линия теории республиканизма в Новое время берет свой источник в политических работах «Защитник мира» Марсилия Падуанского и «Декады Тита Ливия» Никколо Макиавелли, где довольно последовательно сформулированы демократические идеи народного суверенитета. Не лишним будет напомнить, что и дословный перевод названия самой известной политической работы Жана Бодена — «Шесть книг о республике». Утопическая линия западноевропейской мысли в канун Нового времени (Томас Мор, Томмазо Кампанелла, Френсис Бэкон, Джеймс Харрингтон и др.) не в меньшей степени закладывала основы теории республиканизма. Утописты Ренессанса, симпатизировавшие идеям республиканизма, использовали метод мысленного эксперимента и, продолжая традиции «Государства» Платона, создавали модели «идеального» государства. Как правило, форма правления в таком идеальном государстве была республи-

канской, но с весьма различной степенью проявления черт демократического режима. Так, у Томаса Мора в его «Утопии» институты власти носят достаточно децентрализованный и демократический характер, поскольку публичная власть находится в руках у выборных советов самого разного уровня. Напротив, у Томмазо Кампанеллы в публично-властном устройстве его Города Солнца видны черты вертикальной организации, централизации и даже авторитарного правления — высшая политическая власть в государстве находится в руках верховного правителя — Метафизика (или Солнца).

Республиканские концепции Нового времени были во многом подготовлены либеральным движением так называемых *монархомахов*, которых можно с весьма известной долей условности подразделить на ряд отдельных направлений. Внутри указанного движения несложно выделить монархомахов феодально-аристократического (Этьен де Ла Боэси) и буржуазно-демократического толка (Теодор Беза); можно выделить также монархомахов католической ветви (как правило, ученых представителей ордена Иисуса — Хуан де Мариана) и протестантской ветви (Иоганн Альтшуйз). Однако предполагаемые идеологические установки и ценности выделяемых нами течений могли пересекаться и смешиваться в трудах конкретных авторов. Принципиально новаторской идеей монархомахов становится реальная возможность, а порой и настоятельная необходимость низложения и даже убийства государя, и эта радикальная установка оборачивается фундаментом для формирования европейскими гуманистами демократической концепции о праве народа на восстание. «“Монархомахи” или “тираноборцы”<sup>24</sup> осуждали тиранию короля в основном с позиции феодальной аристократии. Они призывали сопротивляться тиранам, ограничить королевскую власть сословными учреждениями, предоставить народу права избирать и смещать правителей. Однако все предложения монархомахов были в интересах высших сановников государства: “Берегитесь господства черни или крайней демократии, которая стремится к уничтожению дворянства”, — предостерегал один из сторонников этой идеологии»<sup>25</sup>.

<sup>23</sup> Подробнее см.: Condren C. George Lawson's Politica and the English Revolution. Cambridge, 2002.

<sup>24</sup> Названием «монархомахи», или «тираноборцы», история политико-правовой мысли обязана стороннику абсолютизма Барклаю, который в своем сочинении (Париж, 1600 г.), направленном против этих воззрений, назвал сторонников данной теории тираноборцами (монархомахами).

<sup>25</sup> Фролова Е. А. История политических и правовых учений. М., 2017. С. 109.



Одним из непосредственных предшественников теоретических воззрений монархомахов был уже упоминавшийся нами влиятельный французский религиозный и политический мыслитель позднего Средневековья Жан Жерсон, который в своей страстной проповеди на тему «vivat rex» давал довольно неоднозначное решение проблемы восстания народа против злоупотреблений королевской власти. «Жерсон смотрел [на проблему восстания] таким образом, что подданные обладают безусловной обязанностью повиноваться своему королю: как правило, сопротивление [власти государя] — это не просто смута или мятеж, но святотатство. Однако, хотя подобающим способом бороться с тиранией было [возможно лишь] через убеждение [правителя], в крайнем случае допустимо представить, что [тиран] мог столкнуться и с силовым сопротивлением своей власти. Поскольку существовало нечто среднее между притворством и бунтарством, то подданные приобретали некоторые [субъективные] права»<sup>26</sup>. Без сомнения, весьма прогрессивным моментом в развитии реалистического направления политической мысли в Новое время следует считать идею о народе как единственном источнике политической власти, то есть *теорию народного суверенитета*, тесно связанную с правом населения на восстание против существующей власти, что в крайнем случае могло сопровождаться убийством нелегитимного суверена как тирана или узурпатора. Одним из родоначальников данной концепции выступил на рубеже XVI–XVII вв. видный испанский историк, экономист и политический мыслитель, священник-иезуит, представитель Саламанкской школы, а также сторонник католической линии монархомахов Хуан де Мариана (1536–1624). В своем обширном трактате «О государе и воспитании государя» (*De rege et regis institutione libri tres*, 1599) он затронул животрепещущую проблему законности насильственного отстранения правителя-тирана от власти. Подняв огромный шквал негодования в кругах консервативно настроенной части политического истеблишмента Европы XVII в.,

де Мариана проводит четкое различие между правом умерщвлять тирана и властью решать, действительно ли государь должен считаться тираном. За пределами родной Испании, и даже несмотря на то, что оба едва ли являлись подходящими кандидатурами для этого, де Мариана и его трактат на протяжении более трех столетий были неразрывно связаны с радикальными представлениями о народном суверенитете и своевольном убийстве королей<sup>27</sup>.

Выдающийся германский ученый, крупный теоретик права и политический мыслитель («отец современного федерализма» и один из создателей теории общественного договора) Иоганн Альтузий (ок. 1557–1638) развивал в своих политико-юридических работах достижения французских философов и немецких пандектистов<sup>28</sup>. И. Альтузий, являясь представителем линии политического реализма, находился под ощутимым влиянием методологических приемов «китов» прогрессивной французской мысли XVI в. — Ж. Бодена и П. Рамуса. Из трудов Рамуса по формальной логике Альтузий воспринял системный подход, которой стал методологической основой известнейших его работ: «*Политика*» (*Politica methodice digesta, atque exemplis sacris et profanis illustrata*, 1603) и «*Три книги науки о праве*» (*Dicaeologica libri tres, totum et universum Jus*, 1617). «Развивая рамистский метод логической дихотомии, Альтузий подразделил общественные объединения на партикулярные и универсальные. Партикулярные, в свою очередь, подразделяются на города и провинции, а универсальные определяются как содружества (*respublica*) или королевства (*regnum*). Партикулярные общественные объединения не обладают суверенитетом; напротив, универсальные обладают таковым»<sup>29</sup>. У Бодена Альтузий заимствовал идею суверенитета, неделимого по сущности и заключающегося прежде всего в законодательной деятельности публичной власти, но в федералистской трактовке германского ученого суверенитет может принадлежать только крупным политическим ассоциациям (народам, землям, государствам), а не парти-

<sup>26</sup> The Cambridge History of Medieval Political Thought, c. 350 — c. 1450. P. 494.

<sup>27</sup> См. подробнее: Braun H. E. Juan de Mariana and Early Modern Spanish Political Thought. Aldershot, 2007. P. 6–9.

<sup>28</sup> См., например: Hueglin T. O. Early Modern Concepts for a Late Modern World: Althusius on Community and Federalism. Waterloo, 1999. P. 1–12.

<sup>29</sup> Althusius J. Politica. Indianapolis, 1995. P. XVIII–XIX.



кулярным властителям — монархам или аристократам<sup>30</sup>. Подвергнув аргументированной критике абсолютистскую позицию Ж. Бодена, И. Альтузий утверждал, что ошибочно возлагать самодержавную власть на государя, который позднее может быть низложен как immoralный и неспособный правитель, и подчеркивал, что абсолютная власть или суверенитет может корениться и в воле всех граждан государства<sup>31</sup>. Трактат «Политика» — один из наиболее ранних опытов федералистских концепций Нового времени — излагал корпоративный вариант теории общественного договора (концепция «политических симбионтов»), субъектами которого выступают большие политические общности, объединяющиеся в результате заключения договора в федеративные государства<sup>32</sup>. Основным объектом наблюдения для Альтузия являлась Священная Римская империя германской нации, обладавшая закрепленным нормами Золотой буллы (1356) электоральным механизмом, но представлявшая собой скорее пеструю и довольно рыхлую конфедерацию «лоскутных» княжеств, нежели подлинную федерацию союзных государств, и этот сепаратизм только усугублялся религиозным противостоянием католических и протестантских земель Германии.

Приведенные выше теоретические находки выдающихся представителей движения монархомахов оказали заметное влияние на развитие всей политической мысли Нового времени, в том числе и на сторонников республиканской формы правления. Широко известно высказывание видного британского исследователя политических теорий Нового времени Дж. Н. Фиггиса о том, что «Мариана посеял [семена революции], Альтузий их полил, а Робеспьер собрал всходы»<sup>33</sup>.

**2.2.** Первыми в Новое время республиканцами и демократами в точном смысле этого слова становятся английские политические мыслители, а нередко и активные политические деятели, воочию явившие миру то единство теории и практики в политике, о котором некогда мечтал Карл Маркс (Джон Мильтон, Джерард Уинстенли, Джеймс Харрингтон, Генри Невилл, Эдджернон Сидней и др.). Хотя мыслители данного поколения делали лишь первые шаги в разра-

ботке научной теории республиканизма, тем не менее республиканские воззрения английских политических писателей кажутся более зрелыми, ясными и последовательными, чем у их непосредственных исторических предшественников — нидерландских мыслителей буржуазно-демократического толка (Эразм Роттердамский, Юст Липсий, Гуго Гроций, Петрус Кюнеус и ряд других). Данное обстоятельство было, по-видимому, непосредственно связано с наиболее высоким среди европейских стран уровнем развития капиталистического производства в Англии в начале Нового времени. На появление республиканских учений прямо повлияли бурные события 20 лет Английской буржуазной революции и гражданской войны (1640–1660), когда на авансцену истории вышли религиозно-политические движения, или «квазипартии», пуритан (пресвитериане, индепенденты, левеллеры и диггеры), политические требования которых были в духе того времени облачены в религиозные одежды. Признанным вождем и идеологом самого радикального движения времени Английской революции — диггеров (или «истинных левеллеров») — был политический деятель демократического склада и оригинальный мыслитель, представитель реалистической линии теории республиканизма *Джерард Уинстенли* (1609–1676), чьи политэкономические идеи (особенно о необходимости повсеместной отмены частной собственности) повлияли на всё дальнейшее развитие социалистической мысли Нового времени.

В своей ключевой работе «*Закон свободы в основе*» (*The Law of Freedom in a Platform*, 1652), посвященной лорду-протектору Оливеру Кромвелю, Дж. Уинстенли описал преимущественно аграрное общество, в котором земля и ресурсы для производства находились в совместном владении людей и где парламент, избранный всеми взрослыми мужчинами, облегчил бы переход к общей собственности. Ротация во всех высших государственных учреждениях сочеталась здесь с крепкой опорой на децентрализованную власть, обеспечением контроля местных общин над ополчением, производством продуктов питания и промышленных товаров, соблюдением закона, а также предоставлением бесплатного и всеобщего

<sup>30</sup> См.: *The Cambridge History of Political Thought, 1400–1700* / ed. by J. H. Burns. Cambridge, 2008. P. 290–291.

<sup>31</sup> См.: *The Cambridge History of Political Thought, 1400–1700*. P. 312.

<sup>32</sup> См. подробнее: *Tierney B.* Op. cit. P. 74–75.

<sup>33</sup> *Figgis J. N.* *Studies in Political Thought from Gerson to Grotius: 1414–1625*. Kitchener, 1999. P. 28.

государственного образования для молодежи. В этом «коммунальном» обществе совсем не будет «профессионального» духовенства или религиозного истеблишмента, но вопросы, представляющие общественный интерес, будут обсуждаться избранными лидерами. Согласно Уинстенли, человеческий разум и христианская жизнь испытают свой полный расцвет только в том обществе, где землей владеют и пользуются совместно; частная собственность, как он был убежден, ведет к греху и приводит к существованию, враждебному истинной жизни духа. Существование рабов и нищих в обществе, где широко распространено огромное неравенство богатства, было ясным свидетельством греховности современного человечества, ибо только неоспоримое право на распоряжение землей гарантирует личную свободу и устраняет причину всех конфликтов и несправедливости. Вместе с частной собственностью «одни возносятся на престол тирании, а другие ложатся под самое подножие страданий, как если бы земля была создана для немногих, а не для всех людей»<sup>34</sup>. Не вызывает большого удивления, что радикальные политэкономические положения «Закона свободы» в свое время не оказали сколько-нибудь заметного идейного воздействия на членов «охвостья», на Кромвеля или даже на весьма либеральную партию левеллеров, которые все держались в стороне от слишком радикальных экономических предложений, выдвигаемых Уинстенли. Следует отметить, что взгляды Дж. Уинстенли приобрели актуальность гораздо позднее, уже в период промышленной революции и индустриального подъема, однако его мировоззрение было категорически отвергнуто обществом Англии середины XVII в., и мыслитель доживал свои дни неожиданно мирно по отношению к его былым дерзким эскападам, тихо служа сборщиком десятины, церковным старостой и приходским констеблем<sup>35</sup>.

Ярким представителем утопической линии теории республиканизма в политической мысли XVII столетия является известный английский публицист, близкий по своим политическим взглядам к индипендентам, Джеймс

Харрингтон (1611–1677). Трактат «Республика Океания» (*The Commonwealth of Oceana*, 1656) — рассказ Дж. Харрингтона о вымышленном совершенном обществе — был написан в период глубокого разочарования населения Англии в режиме протектората Оливера Кромвеля. Республиканские теоретики в общем и целом с одобрением приняли импровизированную «республику» 1649 г., но после изгнания из стен парламента «охвостья» в 1653 г. ряд авторов заявили о своем недовольстве неблагоприятным поворотом событий<sup>36</sup>. Начатая Харрингтоном, по всей видимости, в 1654 г., когда лорд-протектор Кромвель быстро продвигался к монархическому правлению во всем, кроме названия, «Республика Океания» содержит неоднократные ссылки на конкретные обстоятельства протектората. Однако нет никаких свидетельств того, что Харрингтон был сторонником республиканских идей до 1649 г.; на самом деле он был назначен «джентльменом спальни» Карла I в 1647 г. и, вероятно, оставался с королем до самой его казни<sup>37</sup>. Дж. Харрингтон полагал, что с помощью предлагаемой им республиканской модели можно улучшить саму человеческую природу и укрепить добродетель, но, конечно, при условии, если правительство было создано для удовлетворения экономических требований людей, которых оно представляло. Харрингтон поддерживал такой взгляд на отношения между человеком и государством, которым утверждалось благотворное влияние здоровых политических институтов на характер жителей страны. Эта точка зрения, в частности, противоречила мнению Макиавелли и Мильтона о том, что даже лучшие политические институты не могут эффективно работать там, где люди, занимающие руководящие посты, коррумпированы и где общественный дух тех, кто занимает эти посты, не соответствует требованиям общества. По мысли Харрингтона, можно урегулировать индивидуальные интересы таким образом, чтобы даже плохие люди действовали так, как будто они были добродетельными, ибо каким бы искажением нравов ни отличалась современная ему Англия, вина лежит главным образом на политической

<sup>34</sup> Winstanley G. *The Works of Gerrard Winstanley* / ed. by G. H. Sabine. N. Y., 1965. P. 159.

<sup>35</sup> См., например: Hutton R. *The British Republic 1649–1660*. London, 1987. P. 32.

<sup>36</sup> См. подробнее: Zagorin P. *History of Political Thought in the English Revolution*. London, 1954. P. 149–150.

<sup>37</sup> См.: Harrington J. *The Commonwealth of Oceana and A System of Politics* / ed. by J. G. A. Pocock. Cambridge, 1992. P. VIII.

структуре государства, находящейся в разладе с экономическими реалиями своего времени<sup>38</sup>. Таким образом коррупция была результатом политической нестабильности, а не причиной политического недуга, «поскольку, хотя человек грешен, но все же мир совершенен, так пусть же и гражданин будет грешен, а государство — совершенным»<sup>39</sup>. Искренне заинтересованный в воплощении конституционной программы вымышленной Океании в действительность, Дж. Харрингтон построил свою особую модель идеального государства, которая, к сожалению, оказалась смешана его критиками с более ранними повествованиями об «утопиях», такими как «Утопия» Т. Мора или «Новая Атлантида» Ф. Бэкона.

**Заключение.** Политическая мысль XVII столетия сделала значительный и серьезный шаг вперед на пути к современной позитивной политической науке. Политическая теория рассматриваемого периода оказалась способной подняться до осознания объективного несовершенства существующих в действительности политических институтов и дать свои рекомендации по устранению выявленных недостатков, насколько это представлялось принципиально возможным в условиях изначального несовершенства «падшего» мира. И хотя иные политические «рецепты» ряда мыслителей порой страдали явным идеализмом, а их авторы — очевидным субъективизмом в своих пред-

почтениях, многие из предложенных тогда решений следует признать остроумными и не потерявшими своей теоретической актуальности. Следует снова подчеркнуть, что политическая теория в большинстве случаев движется вослед политической практике и реалистическая линия политической науки находит свою цель в адекватном осмыслении действительно существующих институтов публичной власти, поскольку в полной мере жизнеспособная политическая система не может быть создана по абстрактным указаниям неких мудрецов или пророков. По всей видимости, именно априорный, объективный характер развития политических институтов оказывается гарантией их высокой эффективности и стабильности, в то время как искусственно выстроенные на основе некоего теоретического, доктринального а posteriori политические системы не могут быть прочными и долговечными в принципе (например, Арабский халифат, Священная Римская империя германской нации, «советский проект» или «Третий рейх»). Таким образом, «хорошая» политическая теория должна не столько предписывать установление той или иной «идеальной» формы правления, сколько с возможно достижимой степенью объективности объяснять характерные особенности (сущность и существование; форму и содержание; структуру и функции и т.д.) политических институтов, реально сложившихся в конкретном обществе.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гайденко П. П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. — М., 2000.
2. Струве П. Б. Дух и слово. — Париж, 1981.
3. Фролова Е. А. История политических и правовых учений : учебник. — М., 2017.
4. Честнов И. Л. Постклассическая теория права : монография. — СПб., 2012.
5. Althusius J. Politica. — Indianapolis, 1995.
6. Baxter R. A Holy Commonwealth / ed. by W. Lamont. — Cambridge, 1994.
7. Bodin J. On Sovereignty: four chapters from The Six Books of a Commonwealth / ed. and transl. by J. H. Franklin. — Cambridge, 2010.
8. Bossuet J.-B. Discours sur l'histoire universelle. Chronologie et preface par J. Truchet. — Paris, 1966.
9. Bossuet J.-B. Politique de Bossuet / textes choisis et presentes par J. Truchet. — Paris, 1966.
10. Bossuet J.-B. Politique sacree tiree des propres paroles de l'écriture sainte; et avec introd. et notes par J. Le Brun. — Geneve, 1967.
11. Braun H. E. Juan de Mariana and Early Modern Spanish Political Thought. — Aldershot, 2007.
12. Condren C. George Lawson's Politica and the English Revolution. — Cambridge, 2002.

<sup>38</sup> См. подробнее: Republicanism, Liberty, and Commercial Society, 1649–1776 / ed. by D. Wootton. Stanford, CA, 1994. P. 100.

<sup>39</sup> Harrington J. The Commonwealth of Oceana // The Political Works of James Harrington / ed. by J. G. A. Pocock. Cambridge, 1977. P. 320.

13. *Downing B.* Medieval origins of constitutional government in West // *Theory and society*. — Amsterdam, 1989. — Vol. 18. — № 2.
14. *Figgis J. N.* *Studies in Political Thought from Gerson to Grotius: 1414–1625*. — Kitchener, 1999.
15. *Franklin J. H.* *John Locke and the Theory of Sovereignty*. — Cambridge, 1978.
16. *Harrington J.* *The Commonwealth of Oceana and A System of Politics* / ed. by J. G. A. Pocock. — Cambridge, 1992.
17. *Harrington J.* *The Commonwealth of Oceana // The Political Works of James Harrington* / ed. by J. G. A. Pocock. — Cambridge, 1977.
18. *Hueglin T. O.* *Early Modern Concepts for a Late Modern World: Althusius on Community and Federalism*. — Waterloo, 1999.
19. *Hutton R.* *The British Republic 1649–1660*. — London, 1987.
20. *Lawson G.* *Politica Sacra et Civilis* / ed. by C. Condren. — Cambridge, 1992.
21. *Medieval Political Theory — A Reader: The Quest for the Body Politic, 1100–1400* / ed. by C. J. Nederman and K. Langdon Forhan. — N. Y., 1993.
22. *Republicanism, Liberty, and Commercial Society, 1649–1776* / ed. by D. Wootton. — Stanford, CA, 1994.
23. *Schlatter R.* *Richard Baxter and Puritan Politics*. — Rutgers, NJ, 1957.
24. *Shennan J. H.* *Government and Society in France, 1461–1661*. — London, 1969.
25. *The Cambridge Companion to Locke* / ed. by V. Chappell. — Cambridge, 1994.
26. *The Cambridge History of Medieval Political Thought, c. 350 — c. 1450* / ed. by J. H. Burns. — Cambridge, 2007.
27. *The Cambridge History of Political Thought, 1400–1700* / ed. by J. H. Burns. — Cambridge, 2008.
28. *Tierney B.* *Religion, Law, and the Growth of Constitutional Thought, 1150–1650*. — Cambridge, 1982.
29. *Waldron J.* *God, Locke, and Equality*. — Cambridge, 2002.
30. *War, Diplomacy and Imperialism, 1618–1783* / ed. by G. Symcox. — N. Y., 1974.
31. *Winstanley G.* *The Works of Gerrard Winstanley* / ed. by G. H. Sabine. — N. Y., 1965.
32. *Zagorin P.* *History of Political Thought in the English Revolution*. — London, 1954.

Материал поступил в редакцию 14 сентября 2020 г.

## REFERENCES

1. Gaydenko PP. *Istoriya novoevropeyskoy filosofii v ee svyazi s naukoy* [The history of New European philosophy in its connection with science]. Moscow; 2000. (In Russ.)
2. Struve PB. *Dukh i slovo* [The spirit and the word]. Paris; 1981. (In Russ.)
3. Frolova EA. *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy: uchebnik* [History of political and legal doctrines: A textbook]. Moscow; 2017. (In Russ.)
4. Chestnov IL. *Postklassicheskaya teoriya prava: monografiya*. [Postclassical theory of law: A monograph]. St. Petersburg; 2012. (In Russ.)
5. Althusius J. *Politica*. Indianapolis; 1995. (In Eng.)
6. Baxter R. *A Holy Commonwealth*. Cambridge; 1994. (In Eng.)
7. Bodin J. *On Sovereignty: four chapters from The Six Books of a Commonwealth*. Ed. and transl. by J. H. Franklin. Cambridge; 2010. (In Eng.)
8. Bossuet J.-B. *Discours sur l’histoire universelle*. Chronologie et preface par J. Truchet. Paris; 1966. (In Fr.)
9. Bossuet J.-B. *Politique de Bossuet. Textes choisis et presentes par J. Truchet*. Paris; 1966. (In Fr.)
10. Bossuet J.-B. *Politique sacree tiree des propres paroles de l’écriture sainte; et avec introd. et notes par J. Le Brun*. Geneve; 1967. (In Fr.)
11. Braun HE. *Juan de Mariana and Early Modern Spanish Political Thought*. Aldershot; 2007. (In Eng.)
12. Condren C. *George Lawson’s Politica and the English Revolution*. Cambridge; 2002. (In Eng.)
13. Downing B. Medieval origins of constitutional government in West. *Theory and society*. 1989;18(2). (In Eng.)
14. Figgis JN. *Studies in Political Thought from Gerson to Grotius: 1414–1625*. Kitchener; 1999. (In Eng.)
15. Franklin JH. *John Locke and the Theory of Sovereignty*. Cambridge; 1978. (In Eng.)
16. Harrington J. *The Commonwealth of Oceana and a System of Politics*. Cambridge; 1992. (In Eng.)



17. Harrington J. The Commonwealth of Oceana. In: Pocock JGA. The Political Works of James Harrington. Cambridge; 1977. (In Eng.)
18. Hueglin TO. Early Modern Concepts for a Late Modern World: Althusius on Community and Federalism. Waterloo; 1999. (In Eng.)
19. Hutton R. The British Republic 1649-1660. London; 1987. (In Eng.)
20. Lawson G. Politica Sacra et Civilis. Cambridge; 1992. (In Eng.)
21. Nederman CJ, Langdon Forhan K, editors. Medieval Political Theory — A Reader: The Quest for the Body Politic, 1100-1400. N.Y.; 1993. (In Eng.)
22. Wootton D, editor. Republicanism, Liberty, and Commercial Society, 1649-1776. Stanford, CA; 1994. (In Eng.)
23. Schlatter R. Richard Baxter and Puritan Politics. Rutgers, NJ; 1957. (In Eng.)
24. Shennan JH. Government and Society in France, 1461-1661. London; 1969. (In Eng.)
25. Chappell V, editor. The Cambridge Companion to Locke. Cambridge; 1994. (In Eng.)
26. Burns JH, editor. The Cambridge History of Medieval Political Thought, c. 350 - c. 1450. Cambridge; 2007. (In Eng.)
27. Burns JH, editor. The Cambridge History of Political Thought, 1400-1700. Cambridge; 2008. (In Eng.)
28. Tierney B. Religion, Law, and the Growth of Constitutional Thought, 1150-1650. Cambridge; 1982. (In Eng.)
29. Waldron J. God, Locke, and Equality. Cambridge; 2002. (In Eng.)
30. Symcox G, editor. War, Diplomacy and Imperialism, 1618-1783. N. Y.; 1974. (In Eng.)
31. Winstanley G. The Works of Gerrard Winstanley. N. Y.; 1965. (In Eng.)
32. Zagorin P. History of Political Thought in the English Revolution. London; 1954. (In Eng.)